

А. С. ПУШКИН

П. А. Плетневу

3 марта 1826 г.

Из Михайловского в Петербург

Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого — ради Бога успокой меня, не то мне страшно вдвое¹ будет распечатывать газеты...

П. А. Вяземскому

10 июля 1826 г.

Из Михайловского в Петербург

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина?² Довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? <...>

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том³ «Русской истории»; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *все*: для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни⁴ в письме о цензуре <...>